

Смачный шлепок ракеткой от пинг-понга опустился на покорно отставленный зад девушки, вызван стон, больше выражающий удовольствие, чем боль. По застекленной веранде, находившейся на втором этаже большого загородного особняка, медленно ходила стройная невысокая девушка лет семнадцати или восемнадцати, постукивая в задумчивости ракеткой по своей ладони.

Перед ней стояла обнаженная высокая девушка, на вид лет двадцати, уперев в стену руки и изящно прогнув спину, так чтобы торчавшая вверх попа была на уровне головы.

Единственной одеждой ей служили белые босоножки на очень высокой шпильке. Большие упругие груди при такой позе свисали, будто два налитых плода размером с небольшую дыню. Длинные светлые волосы касались пола, хотя рост у девушки был модельный — под 190 сантиметров.

В такой позе Света со страхом, перемешанным с вожделением, ждала очередного удара по своим покрасневшимся от порки ягодцам, в тайне даже от себя желая, чтобы он получился еще сильнее предыдущего. Ее темные, запретные мечты оправдались. Жесткая поверхность ракетки огненной молнией обожгла правую ягодицу девушки, даря незабываемое унижительное блаженство. Ей показалось, что звук от шлепка можно было услышать на другом конце дачного поселка. Почему-то это возбуждало еще сильнее.

Вся сцена происходила в полном молчании, и, если бы не гулкое учащенное дыхание голой блондинки у стены, да не постукивание острых шпилек о деревянный пол юной девушки при задумчивой ходьбе, можно было бы подумать, что кто-то взял да и убрал весь звук из этой комнаты.

— Что ж, теперь, по-моему, твое истинное лицо и обычное одного цвета, — нагло-вызывающие нотки так и плясали в томном шелковом голосе молодой девицы. К слову сказать, одета она была не более ни менее, как в костюме горничной. Правда чересчур коротенькая юбочка и глубокое декольте в купе с босоножками на ощутимой платформе с убойно-высокой металлической шпилькой, наводили на мысль, что этот наряд был приобретен явно не для уборки. Нежно-розовые губки на красивом лице то и дело обнажали жемчужной белизны зубки в насмешливой улыбке, когда юная девушка наносила четкие, размеренные удары ракеткой по отставленной попке Светы. Черные шелковистые волосы до плеч при этом физическом действии радостно подпрыгивали.

Света в очередной раз провалилась в океан собственных противоречивых ощущений. С одной стороны выпоротые ягодцы просто жгло каленым железом, а неудобство позы, в которой она стояла довольно-таки уже давно, было причиной ломоты в прогнутой, как седло, спине и затекания длинных ножек, не часто и не подолгу носивших раньше подобной высоты шпильки. Тем не менее, она не смела даже подумать о том, чтобы что-то менять. Полная открытость и доступность своей позы заводило ее чрезвычайно. Шлепки, с завидной регулярностью обрушивающиеся на ее покорно отставленный зад, лишь подбавляли дров в растущее внутри нее пламя страсти. А то унижение, которое она сейчас переживала, позволяя этой наглой малолетке ставить себя в такую позу и пороть как последнюю суку, даже сравнить не с чем.

Но именно ощущение собственного унижения, особенно острого из-за той застенчивой и

чувственной стыдливости, которой так щедро одарила ее природа, заставляло ее лоно раз за разом выделять обильные потоки смазки. За томным учащенным дыханием можно было услышать после каждого удара тихое «Да! Ох, да... Пожалуйста, да!» Света чувствовала себя настоящей шлюхой в этот момент, похотливой самкой, безвольной никчемной текущей шалавой, и ей это чувство очень нравилось. Нравилось когда ей приказывают, когда ее наказывают за мельчайшую провинность (и то верно, по мнению своей молодой хозяйки, она недостаточно быстро скинула с себя одежду и бухнулась перед ней на колени, когда та соизволила переступить порог этого дома).

Словно услышав грязные мысли стонущей от похоти рабыни, дьяволица, скрывающаяся под личиной семнадцатилетнего ангелочка, вновь подала голос:

— А напони-ка мне, шлюха, кем, точнее, чем ты являешься?

После такой унижительной реплики Света аж захлебнулась в волнах накатившей похоти, ее тело забила мелкая дрожь.

— Я... я... вечно текущая блядь, ваша мокрая сучка, похотливая рабыня, — дрожащим голосом бляела сторающая от стыда девушка.

— Хм, правда? Кто бы мог подумать? — удивление у мнимого ангелочка получилось почти натуральным. — Продолжай, пизда! — приказ был подкреплён еще одним смачным шлепком.

— Оох! Я ваша вещь, грязная подстилка, распутная шалава, я+Я — мокрая дырка, высшим наслаждением для которой является служение Вам, Госпожа! — похабные слова, которыми награждала себя Света, еще сильнее распалили ее желание.

— Вот именно, сука. Весь смысл твоей блядской жизни — это служение мне!

— Да, Госпожа! Предел моих мечтаний — это удостоиться чести быть Вашей вещью, навсегда, — с такого признания в собственной ничтожности Света, изнывая от похоти, чуть не кончила. Она вошла на порог своего первого, но далеко не последнего, как она надеялась, за сегодня оргазма. Правда, оставался еще один шаг, и его-то как раз просто катастрофически не хватало. Все ее тело напряглось в предвкушении незабываемого. Ноги уже начала сводить судорога, влажные губы в раз пересохли, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Из призывно открытого плаксивого ротика вырывались стоны невыразимой муки и наслаждения — ведь ожидание удовольствия тоже своего рода удовольствие.

Но какой-то крупницы все же не хватало, и это сводило с ума. Света отчетливо представляла, что сейчас видит молодая «горничная»: обнаженную красивую девушку, сторающую со стыда и желания, готовую выполнить любой приказ, даже самый унижительный.

От этих мыслей Свету отвлекло тихое касание тонких пальчиков между ног. Острые ноготочки легонько царапали ее насквозь мокрую промежность, невольно заставляя девушку прогибаться сильнее, а попку подниматься еще выше. Через несколько секунд таких ласк она уже стояла на цыпочках, несмотря на высокие шпильки босоножек. Девушка была на грани.

— О, Госпожа! Позвольте своей грязной шлюхе кончить — я больше не могу сдерживаться, — задыхаясь от страсти, стала умолять девушка.

— Хм, — протянула мучительница в раздумье. — Неужели ты настолько похотлива, что готова спустить оттого, что тебя порют, как нашкодившую суку?

— Да, Госпожа, — признание из девушки вышло вместе со слезами от унижения, которое она испытала, соглашаясь со словами своей Хозяйки.

— Так и быть, развратная блядь, поворачивайся и мастурбируй передо мной, да... и можешь кончать.

— О, спасибо, Госпожа! — в голосе Светланы резко проявились нотки собачьей преданности. Голая блондинка исполнила в точности, что было велено. Широко расставив ноги и чуть согнув колени, чтобы юная Госпожа могла видеть ее всю, Света принялась ласкать свое тело. Стыд от всей ситуации обжигал ее сердце раскаленной лавой, от чего ее красивые глаза постоянно были на мокром месте, но это лишь добавляло дров в топку ее похоти.

Первое же касание дрожащих пальчиков к клитору отправило девушку на пол содрогаться всем телом в неистовой силе оргазме. На несколько долгих мгновений девушка отправилась в сладкое путешествие по волнам своего оргазма, который довольно продолжительное время не хотел отпускать ее жадное до подобных ощущений тело.

— Ох, Госпожа, — томно прошептала дрожащими губками только что вернувшаяся с небес блаженства девушка. — Я ваша вещь я буду делать все, что Вы прикажете. Все.

— Знаю, сука, — ледяной тон Госпожи яснее ясного давал понять, что эти признания в вечной любви и безграничной покорности ей ни к чему. — Пока я занималась воспитанием такой бляди как ты, мои премилые босоножки успели немного запылиться. Намек понятен, тварь?

— Да, Госпожа!

— Тогда вперед.

— Слушаюсь, Хозяйка!

Следующие минуты проходили под звуки жадного чавканья и лизанья. Света с большим рвением принялась выполнять хозяйский приказ. Нежно покрывая горячими влажными поцелуями платформу босоножек и вылизывая начисто их от набойки шпилек до самого верха, девушка чувствовала себя вконец униженной и втопанной в грязь. Но, как она уже успела для себя усвоить за недолгое знакомство со своей Хозяйкой, это ощущение действовало на ее организм однозначно — она быстро увлажнялась и ничего с этим поделаться не могла. Душевная боль и обида на природу, за то, что она такая, какая есть, быстро сменялась безумным возбуждением и похотливой дрожью всего тела. Света стыдилась себя и своей реакцией на подобное к себе отношение, но это лишь усугубляло и без того непомерно растущее вожделение, каждый раз, когда ее унижали.

Покорно и услужливо вылизывая обувь своей Госпожи, Светлана невольно окунулась в собственные рассуждения. Юную горничную в их с мамой загородный дом привела мама, аргументировав это тем, что у нее лично на уборку этого коттеджа руки никогда не дойдут, а на ее пусть и умницу, но неженку-дочь и рассчитывать нечего. И то верно. Света росла в, можно сказать, шикарных условиях по меркам ее сверстниц. Мать девушки рано и неожиданно успешно (для всех кроме нее самой) занялась бизнесом, когда ее благоверный исчез одним прекрасным утром из их однокомнатной «хрущевки», попутно захватив все ценное с собой и оставив ее одну с пятилетней дочерью на руках без средств к существованию. Но очень быстро дела у новоиспеченной матери-одиночки пошли в гору, и вскоре юную принцессу, так она любила называть свою дочь, окружили предметы роскоши и удобства, о которых мало кто из детей того времени мог даже мечтать. Конечно, подобное окружение, постоянная забота элитных нянек и зарубежных репетиторов не могла не сказаться на податливой детской психике. Девочка росла красивой и не по годам смышленной, изумляя своих многочисленных наставников острым и живым умом. Ее же мать, Людмила Николаевна, делала все, чтобы развить и улучшить природные данные девушки, благо материальных средств на это хватало вполне.

Только вот чего не было у Светы, так это маминого характера и ее воли, благодаря которой та

сумела выжить и даже преуспеть в суровом, не терпящем компромиссов, мире бизнеса. И, как понимала, сама девушка, этому ее научить не смог бы никто. Она выросла в тепличных условиях, что само по себе не располагало к закалке характера, а тонкая и чувственная организационная структура, дарованная ей природой, неведомым образом превратило ее в безвольную тряпку, которая возбуждается каждый раз, как об нее вытирают ноги.

Вот и сейчас, не успело тело отойти от первого мощнейшего оргазма, а она уже вновь готова кончить, вылизывая босоножки своей юной, но не погодам строгой Госпожи. Тем более та, обзывая ее последними словами, подгоняет ее резвость тонким кожаным ремнем, обрабатывая им покорно вздернутый для порки Светин зад.

Как всегда: пожелания, отзывы, идеи сюда — leonora_bove@mail.ru